

ФЕНОМЕН КУЛЬТУРНОЙ ПАМЯТИ И ТВОРЧЕСТВО В. КОРОТКЕВИЧА

Аленькова Юлия Васильевна

доцент кафедры философии учреждения образования
«Могилевский государственный университет
имени А.А. Кулешова»; кандидат культурологии, доцент

В статье поднимается вопрос о влиянии творчества В. Короткевича на конструирование культурной памяти и национальной идентичности белорусов.

*І тая памяць жыве не ў царкве,
А ў кожнай жыве галаве...
У. Караткевіч*

26 ноября 2020 года исполнилось бы 80 лет известному белорусскому писателю и поэту Владимиру Семеновичу Короткевичу. Он ушел в 1984 году, оставив после себя богатое литературное наследие.

Массовое сознание воспринимает В. Короткевича, прежде всего, как автора нового для белорусской литературы жанра – исторического романа (с элементами приключенческого романа и детектива). И этому массовому сознанию Короткевич известен, в основном, двумя работами, ставшими бестселлерами (особенно после их экранизации): повестью «Дзікае паляванне караля Стаха» (1964) и романом «Чорны замак Альшанскі» (1979–1980). Но между тем Владимир Короткевич являл собой многогранную личность: прозаик, поэт, драматург, сценарист, публицист, переводчик, литературный критик. Он также неплохо рисовал.

Историческое прошлое было одной из важнейших тем творчества В. Короткевича на протяжении всего его творческого пути. Его даже назвали «историком без научной степени». «У падзеях мінулага – нашы карані. А дрэва без каранёў не можа ні існаваць, ні тым больш прыносіць плады», – говорил В. Короткевич в одном из интервью («Літаратура і мастацтва», 21 ліпеня 1967 г.) [7, с. 82].

Очевидно, что творчество В. Короткевича внесло существенный вклад в формирование национальной идентичности и культурной памяти белорусов. И этот факт подчеркивает актуальность работ В. Короткевича сегодня.

Проблемы культурной идентичности и культурной памяти – одни из наиболее обсуждаемых в гуманитарных исследованиях XX века и последних десятилетий. Анализ феномена культурной памяти связан с исследованием коллективных представлений в западной науке (социологии, истории, социальной психологии) XX века, с развитием нового направления – memory studies. Эти исследования утверждают, что историческая и культурная память (как формы коллективной памяти) представляют собой определенные *конструкты*, особые формы «присутствия прошлого» в настоящем, которые формируются и живут в рамках социальных институтов (школа, религия, класс, семья) [1].

Немецкий историк Ян Ассман интерпретировал понятие «культурная память» как механизм трансляции основных смыслов, создающих целостность той или иной культуры, отмечая, что для культурной памяти важна «не фактическая, а восстановленная в воспоминании история» [2, с. 54–55]. Основой культурной памяти служат не исторические источники, а миф о «чувстве истории». Культурная память при этом нуждается в носителях особого рода: шаманах, бардах, жрецах, учителях, художниках, писателях, ученых и др. Художественная литература наряду с иными видами художественной культуры выполняет функцию подобного «барда» и «жреца», она хранит и в образной форме транслирует смыслы, которые, закрепляясь в коллективных представлениях, становятся базой формирования идентичности.

По проблеме культурной идентичности в гуманитарных науках нет концептуального единства. Здесь можно выделить два важнейших подхода: идентичность как объективная общность связи и идентичность как элемент сознания (в данном случае – коллективного сознания).

Так какой же вид идентичности формируют труды Короткевича? Бесспорно, В. Короткевич формирует идентичность как форму сознания, прежде всего, как форму сознания белорусской интеллигенции, создавая и активно внедряя в это сознание новый вариант национального мифа.

Новый вариант национального мифа был противопоставлен Короткевичем старому, господствующему в советскую эпоху – мифу о белорусской нации как нации крестьянской, лишённой своей элиты, интеллигенции и лидеров, нации, находящейся между русским и польским культурными мирами. Этот миф достаточно органично вписывался в советскую идеологию, представляющую народные массы как угнетённые, страдающие от чуждых им классово и культурно «верхов». Короткевич противопоставляет этому мифу свой миф – миф Беларуси, имеющей героическую, романтизированную, величественную и эпичную историю.

Прежде всего, обращают на себя внимание нетипичные для белорусской литературы герои В. Короткевича. Вместо вечного страдающего, бедного, поруганного селянина на страницах его произведений предстают интеллигенты в нескольких поколениях, пророки, рыцари, встречаются и крестьяне. Исследователи сравнивают В. Короткевича с известными именами в мировой литературе, создавшими новый тип героя: «Сусветная літаратура новага часу стварыла цікавыя вобразы, характары. Гэта герой «сусветнага смутку», «лішні чалавек», «маленькі чалавек», «нігіліст», «страчанае пакаленне» і інш. Думаецца, што ў кагорце гэтых герояў зойме належнае месца і герой У. Караткевіча. Яго можна назваць рыцарам Беларусі. Яскрава такі герой увасобіўся ў Маеўскім з апавядання «Аліва і меч», у Петраку Ясюкевічу з апавядання «Сіняя-сіняя», Андрэю Беларэцкім з «Дзікага палявання караля Стаха», Раману Ракутовічу з «Сівай легенды», Алесю Загорскім з «Каласоў пад сярпом тваім», Гервасію Выліваху з «Паддзі Роспачы», Юрасю Братчыку з рамана «Хрыстос прыязмліўся ў Гародні» і ў іншых героях» [5].

При этом В. Короткевич, хорошо знающий исторические источники, в частности те, что касаются событий 1961–1963 годов на Беларуси, восстания под предводительством К. Калиновского, сознательно идёт на искажение известных ему исторических фактов. Художественный вымысел писателя поднимается над скрупулезностью исследователя-историка ради создания нового мифа. «У. Калеснік са спасылкай на даверлівыя прызнанні Караткевіча адзначыў, што Каліноўскі бачыўся пісьменніку дыктатарам паўстання, функцыянерам, «заціснутым самадысцыплінай, нават жорсткім. Яго цяжка палюбіць». Бо гэта «палітык, дыктатар, фанатык палітычнай ідэі, запраграмаваны, самаабмежаваны ў сваіх паводзінах». А ў творах Караткевіча ён далёка не такі. «Варты лепшага ў свеце каханья», – так рамантызуецца ён у вершы «Нявесце Каліноўскага». Рамантызавана ягоная постаць і ў трагедыі «Кастусь Каліноўскі» з яе гучным падзаголоўкам «Смерць і неўміручасць» і выплўчэннем сярод дзейных асоб сейбітаў (сам Каліноўскі і яго прыхільнікі) і крумкачоў (кат паўстання Мураўёў-вешальнік і іншыя абаронцы імперыі на чале з Аляксандрам ІІ)» [3].

Белорусская критика, зачастую не принимавшая произведения Короткевича при его жизни, впоследствии стала мифологизировать саму фигуру писателя, конструируя в культурной памяти белорусов новый миф – миф о Рыцаре-Короткевиче. Его называли то «белорусский Вальтер Скотт» (Аркадий Русецкий), то «романтический рыцарь человечности» (Дмитрий Бугаев), Василь Быков назвал В. Короткевича «ярким и самобытным дарованием». При этом критики заостряли внимание на противостоянии В. Короткевича советской бюрократической

системе, на несоответствии его произведений направлению социалистического реализма, признающемуся в СССР единственно верным художественным направлением, на нонконформизм писателя и высокие моральные качества. «*Перашкод на мастакоўскім шляху Караткевіча было шмат. Бо яму па словах Васіля Быкава, даводзілася пераадолеваць «вэлізнае супраціўленне начальства», якое заўсёды вельмі пільна, з насяржанаю прыглядаецца да самых таленавітых, адчуваючы ў іх найбольшую небяспеку для ўладатрымальнікаў*» [3].

Однако сегодня есть и разоблачители мифа о Рыцаре-Короткевиче, критики, желающие «отрезать» культурную память белорусов. В частности, известный разрушитель стереотипов, писатель и публицист Александр Бурьяк, называет В. Короткевича «*выдающимся пропагандистом неживучей белорусскости*», вошедшим в историю белорусской литературы как «*малоконфликтный сибарит, созерцатель-мечтатель и творческий пьяница*», который «*жил полупогруженный в свои литвинские исторические фантазии (правда, сверенные с «линией партии»)* и успешно самореализовывался в белорусскоязычном литературном творчестве» [4]. При этом А. Бурьяк не согласен с характеристикой В. Короткевича как некоего оппозиционера советским властям, считая его «прикормленным писателем», который «*эксплуатировал белорусское коллективное подсознательное и литературно обслуживал национальную политику компартии, изображавшей временный расцвет беззубых национальных культурок на пути к полному слиянию в единый советский народ смешанного расового типа*» [4]. Жесткие, местами циничные характеристики А. Бурьяка характеризуют тенденцию сопротивления современному неомифологизму.

Оценка роли В. Короткевича в формировании культурной памяти белорусов вряд ли может быть однозначной. Но то, что он является «бардом», оживившим эту память, активизировавший её конструктивный потенциал, – это сегодня очевидно.

Список использованной литературы

1. Аленькова, Ю. В. Культурная память и проблемы культурной идентичности / Ю.В. Аленькова // Копытинские чтения – I, II : сборник статей Международной научно-практической конференции, г. Могилев, 17–18 мая 2018 г. / под общ. ред. М. И. Матюшевой. – Могилев : МГУ имени А. А. Кулешова, 2018. – С. 114–116.
2. Ассман, Ян. Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности / Ян Ассман / пер. с нем. М. М. Сокольской. – М. : Языки славянской культуры, 2004. – 368 с.
3. Бугаёў, Дзмітрый. Рамантычны рыцар чалавечнасці // Дзмітрый Бугаёў [Электронны рэсурс]. – Рэжым доступу: <https://karatkevi.ch/kritika/ramantychnu-gusar-chalavechnasci.html> – Дата доступу: 12.10.2020.
4. Бурьяк, Александр. Владимир Короткевич как выдающийся пропагандист неживучей белорусскости / А. Бурьяк // Проза. ру. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://proza.ru/2015/11/03/437> – Дата доступа: 12.10.2020.
5. Верабей, Анатолий. Герой прозы Уладзіміра Караткевіча / Анатолий Верабей [Электронны рэсурс]. – Рэжым доступу: <https://karatkevi.ch/kritika/geroj-prozy-uladzimira-karatkevicha.html> – Дата доступу: 10.10.2020.
6. Караткевіч, У. Збор твораў : у 8 т. / У. Караткевіч. – Мінск : Маст. літ, 1987–1991.
7. Мальдзіс, А. Жыццё і ўзнясенне Уладзіміра Караткевіча: Партрэт пісьменніка і чалавека / А. Мальдзіс. – Мінск : Мастацкая літаратура, 1990. – 230 с.